

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ
АЛИНА МЕНЬКОВА

Алина Менькова
И... горю. Рассказы о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48503872

SelfPub; 2019

Аннотация

Два рассказа о любви. Разной, но знакомой каждому из нас. Первая любовь и взрослая любовь. Каждая из них приносит нам и радость, и разочарование... и особое послевкусие... на сердце. Содержит нецензурную брань.

Аннотация

Наша первая любовь надолго оставляет след в сердце. Рассказ «И...горю» – о первой любви. Моей первой любви в 13 лет. Написан по личному дневнику. Посвящен человеку, который погиб 10 лет назад. Он никогда этого уже не прочтет, но во имя всех первых чувств в судьбе каждого человека я бы хотела увековечить их хотя бы на страницах этого сайта.

Второй рассказ «Вам поможет ПЭ» – о любви в браке. О том, как приедается быт и как невнимание убивает любовь. А, что если съесть волшебную таблетку и все странным образом изменится? Да, и так тоже можно...но правда ли что-то по-настоящему изменится из-за таблетки?

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Рассказ «И...горю»

У неба нет иной яви, кроме той, к которой взывает наша боль.

Юбер Акен

На Славянском кладбище сегодня зябко. До окаменелости ступней. До сырости в недосверленных пломбах зубов. Нас пятерых стягивает невидимой проволокой. И все-все микроны кожи ноют. Свинцом пролегает между нами боль. Она сочится из скважин наших

сомкнутых кистей. Клокочет «бахами» воспоминаний о вбиваемых гвоздях в бархатную кожу гроба.

Бах. Нет человека.

Бах. Холодный труп.

Бах. В землю гнить.

Бах. Помните пожалуйста помните.

Могильщики принимаются за работу.

Люди расходятся. Наполняют собой машины. Едут в арендованную столовую выпивать и говорить добрые слова родственникам. Надеюсь, что слова могут утешить.

Ноябрь пахнет беззаветной горечью. Лёша бросает горсточку земли в живот гроба. Мы повторяем за ним в неоговоренной последовательности. У каждого из нас давно своя жизнь. Но сегодня мы все собрались здесь. По очень неприятному поводу.

Начинается дождь. Сначала накрапывает, потом льет в полную силу. Грязь пузырится. Яна вырывается вперед. Я беру Славу за руку. Две холодные ладони на секунду согреваются друг друга. А Ваня вытаскивает из пакета бутылку водки, сегодня напьется до беспмятства. Леша прилетел из Москвы на эти похороны. Он стоит и просто смотрит на могилу. У каждого из нас давно своя жизнь. Но в этот день в это время мы будем жить и переживать вместе.

– Юля, я все узнала. Мама по базе данных его обнаружила. Фамилия Стрельцов. Ему 23 года. Родился 26 мая 1978 года. Живет с отцом. Мать отдельно в другом районе города. Ах, да у него есть сестра. Не знаю, правда, старшая или младшая. Работает сержантом в милиции*.

– И все?

– Согласись, это все же лучше, чем ничего.

– Спасибо! – радостно воскликнула я и продемонстрировала Яне окурков, приклеенный скотчем к тетрадном листу. – Я подобрала вчера. Он курил у нашего подъезда. Подождала, пока уйдет. Союз-Аполлон. Он только их курит.

Фу, какая гадость! – брезгливо отпрянула Яна и отодвинула мой дневник с окурком.

В тот день, будучи тринадцатилетней девочкой, я почувствовала себя настоящей фанаткой. Только я не создавала себе гладко выбритого кумира-певца в обтягивающей джинсе и с кокетливым чубом на одну сторону, как делают девочки в таком возрасте, я нашла предмет обожания в соседнем подъезде и наделила его несуществующими качествами. О чем потом, конечно, пожалела – при близком рассмотрении.

Яна была за рулем и наотрез отказалась брать пьяного Ваню. Она вообще всегда его недолюбливала и считала неудачником. Алеша вызвал такси, он спешил в аэропорт. Ваня прильнул к горлышку бутылки и гло-

тал водку. Ему казалось, что водка заглушит боль. На самом деле, боль нельзя залить. Она слишком глубоко и не выходит из организма с мочой.

– Ну, бывай, – махнул рукой Алеша Яне вслед.

– Юля, поедешь?, – обратилась Яна ко мне.

– Я с ними. Я тебе позвоню.

Яна приподняла брови, ненадолго закрыла глаза и двинулась с места. В ее машине тут же раздалось так неожиданно громко и неуместно:

«Европа плюююс»....

На небе блеснула радуга. И жизнь продолжалась, будто ничего и не произошло. И тогда я подумала – сколько в этот момент людей появилось на свет и сколько ушло... навсегда. Жизнь – это огромный беспощадный конвейер.

Лёша летел обратно в Москву. Наверно, спешил не на работу, как сказал нам, а к жене, за утешением. Он переживал эту потерю тихо, без слез и алкоголя.

Мы вчетвером сели в такси. В такой тишине я оказалась впервые. Обычно мы о чем-то да трещали. О сплошной ерунде – детстве, погоде, соседях. Но сейчас тишина была просто мертвой. Перед глазами стоял Игорь... Бледный, с неестественно впалыми щеками. Его похоронили в милицейской форме. Голубая рубашка, плотный пиджак, габардиновые брюки. За

гробом шли его сослуживцы в такой же форме, ко-го-то из них отличали звезды на погонах. За ними тянулась алая дорожка гвоздик. Он погиб при странных обстоятельствах. Его нашли мертвым на дороге у станции Динской. Накануне он был на каком-то празднике с коллегами. Видимо, что-то не поделили. А может, он умер не случайно. Может, героически погиб, защищая честь мундира или девушку?... Очень бы хотелось, чтобы это была не глупая смерть.

Сажу на скамейке в ожидании его. Мне снова тринадцать. Он снова жив. Как жаль, что теперь живым можно быть только на бумаге.

16.05. Скоро. Скоро увижу тебя. Как бы дожить?

16.12. Дрожь в коленках. Пряди волос путаются в пальцах, мысли путаются в голове.

16.20. Что бы такое сегодня выкинуть? Чем тебя удивить?

16.24. Хлопок. Твоя дверь. Пять пролетов. Смотрю на самый верхний. Никого. На втором скользнула чья-то спина. Выходит Вовка.

– Гарика ждешь? – небрежно бросает он мне.

Я киваю. Он усмехается.

16.28. На минуту ко мне все же приходит осознание – какая же все глупость сидеть и ждать тебя! Но мое тело не отпускает скамейку.

16.30. Хлопок. Сама пунктуальность! Каждый день в од-

но и то же время ты выходишь на работу в вечернюю смену. Вижу тебя. Стремительно спускаешься вниз. Замечаешь меня. Я дрожу. Ты улыбаешься. Вот такая короткая встреча...

Как чертовски прекрасна первая любовь... Сколько непонимания, трудностей, ревности, недоверия, удручающих обязанностей обрушиваются на нас в серьезных отношениях, а уж тем более в браке, и сколько легкости, неизведанности и восторга в первой любви! Как она невинна. И беззащитна перед жизненными реалиями. Как важна в жизни каждого из нас. Ведь мы пока не знаем, что ее вообще и нет, что все, что происходит между людьми всего лишь химия, которая с годами превращается в привычку... Как печально. И как жаль, что еще никто не доказал обратное. Как бы нам хотелось, чтобы из миллиона романов хотя бы один стал приятным исключением из правил... как в новеллах Бунина.

– Тебе сколько лет? – спрашивает меня Игорь 10 июля.

Конечно, мне запомнился этот день. 10 июля 2001 года. Ведь, это был первый раз, когда он заговорил со мной... Это был диалог, а не просто «привет», «спасибо» или «пока»... Не язвительные замечания типа: «Юлька, ну, не исполняй!», «Что ты показываешь?», «Заканчивай маски-шоу!»... Ну, нечем, нечем мне было его тогда поразить! У меня не было ни хитрости, ни опыта. Того самого опыта, при помощи которого можно хоть как-то жить, не имея хитрости... Вот я и исполняла – дурацкие показные ситуации. Он видел, навер-

но, что есть во мне потенциал перерастить из навязчивой девочки в наивную, которой без труда можно будет воспользоваться... Просто ждал... когда я вырасту...

Я не знала тогда, что всего через три года у нас будет роман. Тогда, на пятом этаже шестого подъезда это было только мечтой, сном, фантастикой...

– Какая разница? – почему-то грубо отвечаю я. – Тринадцать с половиной.

– А мне двадцать три, – он разглядывает маленькую смущенную девочку из-под голубой поволоки глаз.

Он рассказывает мне, что я слишком мала, что ничего у него со мной не получится, что мне необходимо его забыть. Но я ничего не слышу.

– Ты не бойся. Я тебя не обижу. Не пошлю тебя нафиг. Я все понимаю... Ты можешь мне сказать, все, что тебе хочется. Никто ни о чем не узнает. Ване с Лешей я все по-другому расскажу.

– Мне нечего сказать.

Слова никак не находятся. Чувствую себя немой, но такой счастливой! Игорь стоит впритык. Курит. Смотрит сквозь мой напуганный образ. Слышу особенную звонкую музыку нашего двора. Нежное журчание сверчков. Далекий лай собак. Шуршание листвы тополей. Детские голоса. В нашем дворе – вечное детство. Напротив нашего дома – детский сад.

Время неумолимо бежит вперед. На часах полдесятого.

Вот-вот закончится выпуск вечерних новостей на первом... и бабушка, наверно... позовет меня.

«ЮЮЮЮЮ-ЛЯ!», – уже слышу я ее надрывающийся голос с высоты второго этажа.

Мы просто молчим. Я нервничаю, но не ухожу. Потом я признаюсь:

– Ты мне нравишься.

– За что?

Он спрашивает меня за что? Как будто я знала за что.... Как будто я знала его... откуда я могла знать тогда, в то время что там, за этими голубыми глазами и взглядом «сквозь» нет абсолютно ничего. Только алкоголь и снобизм.

– Насколько сильно ты в меня влюбилась? Почему ты молчишь?

Сильно-пресильно. К чему эти вопросы – думала я тогда. Это сейчас понятно, что он просто взвешивал проблему. Вымерял, не обойдется ли она ему боком. Еще и тешил свое самолюбие. Ведь успехом у женщин он совершенно не пользовался. Игорь отчетливо понимал, что такими разговорами только подогревал мою детскую надежду, делал меня еще более влюбленной.

Помню, как слезы застилали глаза, и я неслась по лестнице вниз, а потом вверх, на свой этаж. Домой. К бабушке. Которой тоже уже нет.

Дверь открылась и уже с порога дед дает мне хорошую оплеуху со всем своим армянским темпераментом, а бабуш-

ка встречает меня молчаливым пониманием. Ведь она тоже, пусть и через время, помнит себя такой же влюбленной...

– Дед очень зол на тебя. Но ты, Юленька, не плачь. Встречают по одежде, а провожают по уму, – шепчет она мне и гладит рукой по темечку.

Я прижимаюсь к ее груди, к ее коричневым пятнышкам на груди, к родному запаху ее халата, он пахнет потом и гренками. Потом она встает лицом к западу и читает «Отче наш», а я под светом ночника пишу дневник. Она умрет через 4 года от диабетической комы.

Ваня вываливается из такси у нашего дома. Слава с Лешей прощаются, Леша садится обратно в машину и едет на вокзал. Ваня падает на лавку, но через минуту разрывается рвотой прямо в палисадник.

Ваня всегда был немного пьяным, немного странным, немного не в себе. Большой ребенок. Инфантильный, рассеянный, не уверенный. Он много курил, отрачивал ноготь на мизинце правой руки и каждый вечер читал на улице. Книги в его руках менялись, но вот автор всегда был один – фантаст Ник Перунов. Ваня работал газосварщиком. Усталый вид, небрежная одежда, сморщенное лицо. Яна говорила, что он живет бесцельно. Может, ей так казалось. Но кто из нас точно может назвать свою цель? Я вот временами вообще нахожусь в жутком состоянии неопределенности. Что значит цель? Как ее найти? Моя цель вот тоже пока най-

ти ее... Еще Яна считала, что он не интересуется девушек. С девушками я и правда никогда его не видела. Хотя он и рассказывал мне про одну очень стервозную особу с его работы... Она его бросила уже через неделю после начала их отношений. И он жил только одной мыслью – как-нибудь ей насолить. Помню, как мы как-то стояли с ним на остановке, мне было уже точно больше тринадцати, он неожиданно резко прижал меня к себе.

– Ваня, что ты делаешь? – возмутилась я.

– Тихо! Улыбайся! – приказал он.

В проезжающей мимо машине были его знакомые. Не знаю, произвели ли мы впечатление счастливой пары, но Ваня был явно доволен.

– Увидят меня с тобой! Расскажут этой суке!

Со мной он неохотно делился подробностями своей личной жизни, зато я доставала его мечтаниями о будущей своей. Поражаюсь его терпению.

– Как ты думаешь, я Игорю нравлюсь?

– Юля, о чем ты говоришь? Ему плевать на тебя!

Ваня всегда оставался резким. Может, как раз из-за этой неприятной черты характера у него и не складывались отношения с девушками.

– У него кто-нибудь есть, да? – не унималась я с распросами.

– Да.

– И кто?

– Какая тебе разница. Слушай, Юля, иди домой! Ты меня достала!

– Вон, смотри юбка у него на балконе висит! Он же с папой живет! Откуда она там? – подозрительно прищурила я глаз.

– Я не знаю, Юля! Может, сестры его.

– Сестры? Она что, у него ночует? Нет, вряд ли. Это, наверно, его девушка. Точно, то-то он уже несколько дней не выходит.

Я поняла, что сама ответила на свой вопрос... и мне вдруг стало в тысячу раз хуже. Сердце налилось кровью и как-то потяжелело внутри.

– Юля, он работает! Времени нет. Если тебя так интересуется этот вопрос, подойди и сама спроси у него!

– Ну, вы же друзья! Ты должен знать!

– И что? Мы не говорим о всякой херне!

– О чем же вы тогда говорите?

– Это вы, бабы, все время сплетничаете о парнях! Мы можем говорить, о чем угодно...

– Женоненавистники! – улыбнулась я.

– Да дай почитать уже! – отдернул меня Ваня.

К нашей скамейке подошел Лёшка, в серой оправе очков, с засаленным пучком волос, рюкзаком с фото «КиШ» через плечо и приподнятым настроением. Он держал новую блестящую колоду карт в худой руке. Это пока она худая. Уже через три года Алёша сильно растолстеет.

– О, Квиха! Садись! И ради Бога, отгони это болтливое

существо от меня!

Ваня храпит. Из уголка его рта течет розовая слюна.

– Там должно быть хорошо. Ну, на том свете... По рассказам тех, кто вернулся.

– Ты самый жестокий оптимист в мире, – говорит мне Слава...

А потом я замечаю слезу, которая выкатывается из уголка его глаза... я первый раз за все время вижу, как Слава плачет. Но обнять его не могу, он отворачивается. Я только вижу его плечи, они тихонько вздрагивают.

Мы просидели так еще несколько минут, пока голос Вани не разорвал тишину:

– Я домой, спать!

Слава кинулся к нему, но Ваня отмахнулся и сказал, что сам справится. Только вряд ли. Вряд ли он справится. Совсем скоро у него умрет отчим, и они с мамой навсегда уедут из Краснодара... А там, в деревне, Ваня возможно и вовсе потеряет всякий смысл жить... Этого я никогда не узнаю, ведь мы больше не увидимся. И я не найду его в социальных сетях. А вот Слава женится через пару лет. И я выйду замуж, и Яна... у нас появятся дети... у всех изменится жизнь так, что мы перестанем узнавать в себе тех людей, которые ко-

гда-то собирались на «десятке»...и – нам будет казаться, что все, что случилось тогда – вовсе не о нас...

Через несколько дней после похорон я все-таки пришла к порогу 120-ой квартиры. Дверь открыл дядя Игорь – его отец. Он не спрашивал «кто там». Наверно, знал, что это кто-то из соседей, кто не смог прийти в тот день.

– Здравствуйте, я Юлия. Я была в среду...

Я не хотела говорить это горькое слово «похороны», но и не знала, чем его заменить. Тогда я просто сказала «там», «я была в среду там».

– Гм... – он всмотрелся в мое лицо, но вряд ли его вспомнил. Вид у него растрепанный и несчастный. Он опирался на ходунки. Я знала, что его сегодня выписали из больницы, поэтому и пришла. Перенес инфаркт.

– Я бы хотела посмотреть комнату Игоря с вашего разрешения. Пожалуйста. Просто...

Он не дал мне договорить.

– Зачем?

– Хотела взять какую-нибудь его вещь на память, – смущенно прошептала я.

– Я думаю, это ни к чему.

И он закрыл дверь. Он умрет через год. Говорили – от горя. Ведь они жили вдвоем с Игорем. У пожилого человека не было к тому времени ни любимой

женщины рядом, ни внуков, которые бы его навещали, ни любимого хобби. Вот и последняя ниточка оборвалась. Тогда мама Игоря приехала и жила с бывшим мужем до последнего его дня. Гуляла с ним, возила на инвалидной коляске в поликлинику. Из чувства долга, думаю.

За окном подъезда грянул гром. Небо разверзлось дождем. Обожаю дождь. Когда он приходит внезапно, или задолго гремит или собирается грузными тучами... Люблю мелкий и проливной. Он сближает. Делает улицы ярче, добавляя в серый пейзаж разноцветные зонты. Сердца делает горячее, заставляя людей бежать в их уютные квартиры. А дети тогда обязательно собираются в подъездах и весело гогочут. Мне нравится, как дождь барабанит по асфальту, образуя в лужах изумрудные ямки. Нравится, когда вода хлещет по белью, раскачивающемуся на тугих веревках, стучит по алюминиевым тазам... Мне нравится как дождь омывает опавшие абрикосы, виноградные беседки, листья тополей. И тогда в воздухе витает такой фруктовый запах, смешанный с ароматом мокрой коры деревьев, а под ногами обязательно лопаются с неприятным «кляц» фиолетовые панцири улиток. По скользкому подиуму забора детского сада обязательно бежит мокрая белка, размахивая огненной кисточкой хвоста.

– Быстреей, быстреей, ребята! Машенька, забери мячик! – подгоняет воспитательница нескольких растерянных малышей из ясельной группы по ту сторону изгороди.

Мечтаю вернуться в дождливые дни тех тринадцати, когда мы с Яной писали бесконечные аудиокассеты и пили ароматный кофе, спрятавшись от дождя в ее квартире. Хочется запомнить те дни поминутно. Или загнать их, как аромат духов, в какую-нибудь емкость. И рассказать Яне какие мы ошибки наделаем в будущем – каких людей надо будет обойти стороной, а к каким прислушаться. Вот бы попадать туда, как в сон, всякий раз, когда здесь в реальности взрослых будней становится скучно....

Какая все-таки огромная пропасть между взрослыми и детьми. Мы словно играем в двух командах. С разницей во времени. Но нигде на самом деле мы не свободны по-настоящему. В детстве мы ограничены взрослыми. А во взрослой жизни мы также ограничены, также следуем правилам. Только иным. Мы познаем ценность денег и зависимость от них. Мы начинаем чувствовать, как нас используют. Мы занимаем должности, ведем опротивевший быт. Становимся твердолобыми, толстокожими, неуязвимыми. Мы взрослее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.